

Когда они спустились, остальная пятёрка уже расселась за большим круглым столом, стоявшим дальше всего от лестницы.

Ян Юэ замахал рукой, призывая хозяйку:

— Тётушка, примите заказ!

Сразу после этого он повернулся к Бо Хуаю, который увлечённо и педантично протирал салфеткой стол и стулья:

— Дедушка Бо, поймите совесть, спуститесь к нам, простым смертным! Даже если на стуле есть капля пыли, задница от этого не отвалится. Чего вы там возитесь? Это что, неуважение к моему авторитету?

Бо Хуай даже головы не поднял, зато Цзянь Сунъи лениво приоткрыл глаза и одарил баламута выразительным взглядом.

Ян Юэ и глазом не моргнул, мгновенно переобувшись на лету:

— Мой авторитет не стоит и ломаного гроша! Трите-трите, Дедушка Бо, у вас отлично получается!

Лу Цифэн не сдержал смешка:

— Бесхребетный.

— Это называется житейской гибкостью, — хохотнул Ян Юэ и снова крикнул в сторону кухни:
— Хозяйка, вы там скоро?

— Иду, иду!

Из глубин заведения торопливо выбежала женщина с меню в руках. На вид она была добродушной, но болезненно, даже пугающе худой. Сеточка мелких морщин на лице не позволяла точно определить её возраст — ей могло быть как сорок с хвостиком, так и далеко за пятьдесят.

— Время только половина шестого, мы ведь ещё даже толком не открылись, — с тёплой улыбкой пожурела она гостей. — А вы уже тут как тут.

Ян Юэ забрал у неё меню и шутливо отозвался:

— Так потому и пришли пораньше! Чуть опоздаешь — либо мест не найдёшь, либо застрянешь в очереди на целый час. Но если честно, у вас же всегда биток. Давно пора нанять ещё помощников.

Женщина вытерла руки о фартук и вздохнула:

— Ой, да какая там прибыль, у нас же крошечное дело. Нанять людей — так вся выручка на зарплаты и уйдёт, себе ничего не останется. Двоих на кухне, чтобы зелень мыли да мясо резали, вполне хватает. К тому же сын каждый день после школы прибегает помогать.

— Так он же у вас вроде тоже в выпускном классе? Ему бы к экзаменам готовиться, а не у плиты стоять.

В этот момент Ян Юэ включил режим заботливой мамочки так рьяно, что затмил бы любую настоящую родительницу.

Хозяйка лишь беспомощно улыбнулась в ответ:

— С его-то оценками? Да он хоть лоб расшиби — в приличный вуз не поступит. Окончит какой-нибудь захудалый колледж, вернётся сюда да примет у нас дела. Это куда надёжнее.

Ян Юэ уже набрал в грудь воздуха, собираясь продолжить нотации, но его прервал холодный голос Бо Хуая:

— Ты сюда есть пришёл или устраиваться в комитет по социальной поддержке?

Женщина и сама была рада сменить тему разговора о сыне:

— Вот-вот, выбирайте скорее! Я скажу мужу и Сяо Дину, чтобы занялись вашим заказом в первую очередь. Отберём для вас самые сочные куски, а то набегит народ — мигом всё расхватывают.

Тут её взгляд упал на Бо Хуая. Женщина умолкла, задумчиво склонила голову набок и тихонько хмыкнула:

— Слушайте, а вот этот молодой человек мне кого-то напоминает... Ян Юэ, ты его раньше к нам не приводил?

Ян Юэ, не отрываясь от бланка заказа, фыркнул:

— Да откуда? Я сам с ним без году неделя знаком. Хозяйка, кончайте клеиться к каждому

симпатичному парню. Лучше гляньте на того, что сидит рядом с ним. Он вам тоже кажется знакомым?

Женщина послушно перевела взгляд на Цзянь Сунъи и слегка нахмурилась, силясь что-то припомнить.

Относительно Бо Хуая Цзянь Сунъи утверждать ничего не мог, но сам он точно оказался в этом заведении впервые и хозяйку никогда в глаза не видел.

Он приподнял уголок губ в безупречной ухмылке:

— Конечно, лицо примелькалось. Мне все говорят, что я вылитый Леонардо, а мой сосед — копия Сун Сяобао. Мы оба, можно сказать, любимцы публики, так что ничего удивительного.

Хозяйка покатила со смеху:

— Скажешь тоже! Этот юноша как минимум тянет на Цзинь Чэнъю. Ладно, шутки в сторону, побегу я на кухню. Если что понадобится — зовите меня или Сяо Дина.

Забрав заполненное меню, она поспешила скрыться в кирпичной пристройке.

Бо Хуай медленно повернул голову и прищурился:

— Сун Сяобао, значит?

— А что не так? Те же два глаза, нос и рот. Один в один, я считаю.

Во время военных сборов Бо Хуай столько возился с ним, что у Цзянь Сунъи просто язык не поворачивался язвить. Но стоило им вернуться в привычную колею, как непреодолимое желание подколоть старого приятеля вспыхнуло с новой силой.

Бо Хуай даже не подумал обижаться. Он лишь снисходительно усмехнулся:

— Я тут на днях пересматривал «Выжившего». Если ты в этой аналогии — Ди Каприо, то быть Сун Сяобао даже как-то почётно. Он хотя бы милый.

Цзянь Сунъи лишился дара речи.

И надо же было подумать, будто этот гад исправился! Язык у него по-прежнему оставался бритвенно-острым.

Тем временем «этот гад» преспокойно налил в пиалу горячий чай и принялся тщательно ошпаривать приборы Цзянь Сунъи.

Наблюдавший за этим с другой стороны Ян Юэ задохнулся от зависти и заканючил:

— Дедушка Бо, а мне приборы помыть? Ну пожа-а-алуйста...

Бо Хуай неторопливо сполоснул очередную чашку и ласково, с убийственной мягкостью поинтересовался:

— Жить надоело?

«Двуличный пёс, — мысленно вздохнул Ян Юэ. — Чистейшей воды фаворитизм».

Концепция заведения предполагала самообслуживание: в центре каждого стола зияло круглое отверстие, куда помещали раскалённую жаровню с углями, а сверху водружали мелкочаеистую железную сетку.

Металл смазали тонким слоем масла, и стоило ему весело заскворчать, как на решётку отправились щедрые ломтики свиной грудинки — с идеальными прослойками нежного жира. Края мяса мгновенно схватились аппетитной золотистой корочкой, выпуская наружу прозрачные капли сока. Свинина запекалась идеально: сочная, ароматная и совершенно не приторная.

Следом мясо сдобрили фирменной смесью кумина и острого перца. Быстрый взмах щипцами, чтобы стряхнуть излишки специй, — и горячий кусок, минуя всякие глупые условности вроде заворачивания в листья салата, отправился прямым в рот. Богатый, чистый вкус сочного мяса мгновенно раскрылся на языке, заполняя все рецепторы невероятным блаженством.

В этом и заключалась вся прелесть настоящей, честной трапезы.

Заглотив один за другим несколько внушительных кусков, Ян Юэ решительно заявил:

— Нет, так дело не пойдёт! Какое мясо без ледяного пива? Хозяйка, тащите ящик холодного «Циндао» в банках!

— Сию минуту! Сяо Дин, хватай ящик и неси ребятам!

Перед каждым водрузили по жестяной банке. Ян Юэ, Сюй Цзясин и Лу Цифэн мгновенно сорвали ключи, сделали по доброму глотку и синхронно, с глубоким удовлетворением выдохнули.

Цзянь Сунъи уже потянулся к своей порции алкоголя, но Бо Хуай опередил его — бесцеремонно отодвинул банку подальше и одарил друга скептическим взглядом:

— Эти трое уже совершеннолетние. А ты у нас с каких пор взрослым стал?

Цзянь Сунъи опешил. В Китае, в отличие от западных стран, закон никогда не карал подростков за глоток пива в компании друзей.

Однако Бо Хуай проигнорировал его немой протест и обратился к проходящему мимо официанту:

— Принесите баночку колы, пожалуйста.

Чжоу Ло, уплетая мясо за обе щёки, тут же поднял руку:

— Мне тоже колу! Нам, милым маленьким Омегам, алкоголь противопоказан!

Сдерживая смех, Бо Хуай выразительно посмотрел на Цзянь Сунъи:

— Слышал?

Цзянь Сунъи едва не задохнулся от злости. Но опасаясь, что этот несносный тип начнёт при всех намекать на его скрытую омежью сущность, он молча перехватил банку принесённой газировки. Пока Бо Хуай отвлёкся на раскладывание мяса, Цзянь Сунъи спрятал банку под стол и со всей дури потряс её несколько раз.

Затем он с самым невозмутимым видом придвинул её обратно к Бо Хуаю и, соорудив капризную мину изнеженного барчука, выдал:

— Руки болят. Не могу открыть.

«Да кто бы сомневался! — дружно подумали остальные пять „прекрасных дев“, сидевших за столом. — Так мы тебе и поверили».

Юй Цзыго тайком отхлебнул пива. Алкоголь мгновенно придавал ему безумной отваги, и он заговорщицки прошептал:

— Знаете, я тут вспомнил одну мудрость... Даже самый вспыльчивый Омега, способный в обычные дни швыряться гантелями, в присутствии своего Альфы внезапно превращается в хрупкий цветок, который не в силах даже крышку открутить.

За столом воцарилась гробовая тишина. Лишь угли тихонько потрескивали в жаровне.

Спустя долгие несколько секунд остальные четверо синхронно подняли большие пальцы вверх:

— Безумству храбрых поём мы песню. Ну ты и камикадзе.

Лицо Цзянь Сунъи мгновенно налилось багровым гневом. Он уже потянулся, чтобы вырвать банку обратно, но Бо Хуай оказался быстрее.

Он перехватил колу, однако открывать её перед собой не стал. Вместо этого он картинно вытянул руку, придвинув банку вплотную к Ян Юэ так, чтобы жестяной клапан смотрел прямо тому в лицо.

Бо Хуай зажал банку ладонью, подцепил кольцо указательным пальцем — его безупречно белые, холёные пальцы выгодно контрастировали с ярко-красной жестью — и небрежно потянул вверх.

Раздался резкий хлопок.

Фонтан липкой пенной газировки со свистом рванул наружу.

Ян Юэ, сидевший ближе всех, принял на себя весь сокрушительный удар этой сладкой волны.

Несколько секунд пострадавший сидел неподвижно, моргая залитыми колой глазами, а затем взывал в притворном отчаянии:

— Дедушка Бо! За что?! За какие грехи вы так со мной? Вы меня больше не любите? А ведь во время сборов я был вашей ненаглядной крошкой!

— Ой, прости, я совершенно случайно, — Бо Хуай, разумеется, и не подумал бы признаться, что до сих пор помнит ту историю с надувной дорожной подушкой. Он с абсолютно невозмутимым видом вытащил салфетку, тщательно протёр банку и поставил её перед Цзянь Сунъи. На его губах играла едва заметная, чертовски ехидная усмешка. — Правда ведь, брат Сун?

Цзянь Сунъи забрал банку и с предельно серьёзным лицом сделал небольшой глоток:

— Без понятия. Наверное, Сяо Дин по дороге растряс.

«Эта парочка чёртовых Альф... — сокрушался про себя Ян Юэ. — Что бы они ни делали — выпендривались, цапались или заигрывали, — в итоге всегда огребаю я. За какие грехи мне всё это?»

Сгорая от обиды и жажды мести, он схватил банку пива, яростно затряс её и направил прямо на Сюй Цзясина.

Сюй Цзясин, мирно пережёвывавший свинину, застыл с немым вопросом на лице:

— А я-то тут при чём?

Отложив палочки, он схватил по банке в каждую руку и объявил войну одновременно Ян Юэ и Лу Цифэну.

Хаос разросся мгновенно. Парни покатывались со смеху, уворачивались от пенных струй, щедро поливая друг друга алкоголем и газировкой, и вскоре уже вовсю носились по бетонной площадке перед заведением. Мирный ужин плавно перерос в безумную водную битву, роль оружия в которой выполняли жестянки.

Ошарашенный Сяо Дин тихонько шепнул хозяйке:

— Тётушка... они точно из того самого элитного класса Наньвай? Что-то мне тревожно за будущее нашей страны.

Женщина лишь молча покачала головой.

К Бо Хуаю и Цзянь Сунъи соваться никто не рисковал. Да и сами они не имели ни малейшего желания покрываться липким слоем сиропа, а потому преспокойно сидели за столом, методично уничтожая мясо. По крайней мере, теперь не приходилось воевать за каждый кусок с оголодавшей бандой одноклассников.

Цзянь Сунъи лениво наблюдал за тем, как Бо Хуай довольно неумело орудует щипцами над углями, и негромко спросил:

— И чего ты постоянно докапываешься до Ян Юэ?

— Я не докапываюсь, а создаю отвлекающий манёвр. Иначе мы бы с тобой до сих пор сидели голодными. Или тебе больше хотелось выслушивать дальнейшие откровения Юй Цзыго о нашей «неземной и трепетной любви»?

Цзянь Сунъи прикусил язык. Действительно, если бы не выходка Бо Хуая, он бы со стыда сгорел на месте от этих сплетен.

Он поворошил палочками в тарелке сочные ломтики мяса, которые только что заботливо переложил ему друг, и пробурчал:

— Слушай, а этот Юй Цзыго... он ведь не мог догадаться, что я Омега? Чего он тогда вечно несёт какую-то чушь?

Бо Хуай снисходительно улыбнулся:

— Можешь не переживать. С его уровнем сообразительности он бы уже сто раз проболтался, если бы хоть что-то заподозрил.

Юй Цзыго искренне верил, что Цзянь Сунъи — стопроцентный Альфа. А весь этот бесконечный интерес к их паре объяснялся либо его слепой верой в предсказания судьбы, либо тем, что парень умудрился разглядеть истинные чувства Бо Хуая к своему другу.

В таких делах со стороны всегда виднее. Юй Цзыго появился в их компании позже всех, знал меньше других, но именно поэтому подмечал детали, ускользавшие от глаз остальных.

Когда шумиха наконец утихла, подспели и остальные блюда: овощные нарезки, сочные шашлычки из баранины, запечённые вешенки и свежие устрицы.

На пороге заведения показались новые посетители, так что хозяйка с Сяо Дином поспешили их встретить. Поднос с готовыми заказами к столу парней вынес сам владелец заведения.

Это был невероятно худой мужчина средних лет. Он двигался удивительно плавно и уверенно, безошибочно огибая углы столов и ножки стульев, чтобы аккуратно водрузить блюда на подставки. Если бы не подёрнутые белёсой мутной пеленой глаза, никто бы и в жизни не поверил, что этот человек практически ничего не видит.

Расставив тарелки, он застенчиво улыбнулся:

— Попробуйте, ребята. Надеюсь, сегодня всё получилось как надо.

— О чём речь, дядя! Ваше мастерство вне всякой конкуренции, — горячо отозвался Ян Юэ, ловко раскладывая порции по тарелкам друзей. — Идите отдыхайте, мы сами тут разберёмся. Ребята, налетайте, пока горячее!

Мясо оказалось просто божественным. Ни малейшего намёка на сырость или гарь — идеальный жар углей и безупречный баланс специй.

Ребята не удержались от удивлённых вздохов:

— Невероятно... Неужели слепой человек действительно способен так виртуозно управляться с огнём? Как ему это удаётся?

Ян Юэ в один присест проглотил сочную устрицу, вытер рот салфеткой и, понизив голос, принялся рассказывать:

— Этой забегаловке уже лет двадцать, не меньше. Сначала у них была просто старая тележка, потом они сколотили деревянный ларёк. А потом с их сыном случилась беда, им выплатили крупную компенсацию, и на эти деньги они смогли построить полноценное кафе.

Дядя Ли ведь не родился слепым. Из-за постоянного дыма у него развилась катаракта. Поначалу ничего критичного, но им нужно было тянуть двоих сыновей, оплачивать учёбу. Денег вечно не хватало, на врачах экономили до последнего, а он продолжал каждый божий день стоять у раскалённого мангала. Вот болезнь и запустили.

Когда наконец скопили на операцию, случилась трагедия с младшим. Мальчишка, лет тринадцати-четырнадцати, выбросился из окна шестого этажа прямо в школе. Представляете? Выжить-то выжил, но остался инвалидом на всю жизнь, ноги отказали. Родители от горя чуть с ума не сошли, неделями выли белугой. Вот зрение окончательно и поплыло от слёз. Сейчас он хоть какие-то силуэты различает, но, по сути, слеп как крот.

Ян Юэ тяжело вздохнул:

— Впрочем, это всё слухи, точных деталей я не знаю. Но просто по-человечески жаль их... Жизнь штука суровая. Вот я и стараюсь приходить сюда почаще, поддерживать копеечкой. К тому же кормят тут действительно потрясающе, согласитесь?

Чжоу Ло и Юй Цзыго шмыгнули носами, их глаза подозрительно покраснели. Они согласно закивали.

Лу Цифэн и Цзянь Суньи одновременно, словно сговорившись, перевели взгляды на Бо Хуая.

Однако лицо того оставалось абсолютно непроницаемым, сохраняя привычную холодную безучастность.

Он неторопливо доел свою порцию, аккуратно вытер пальцы влажной салфеткой и поднялся из-за стола:

— Отойду в уборную.

И ровным шагом направился к кирпичной пристройке.

Ян Юэ, едва успев проглотить кусок баранины, крикнул ему вслед:

— Эй! Туалет на втором этаже, общественный! Не вздумай облегчаться за углом, если

заблудишься!

К этому моменту Бо Хуай уже вышел на задний двор и уверенно направился к внешней железной лестнице. Похоже, он заранее спросил дорогу у хозяйки.

Цзянь Сунъи провожал его взглядом. Спустя пару секунд его грудь сдавило до боли знакомое, щемящее чувство.

Каждый раз, когда у Бо Хуая скребли кошки на душе, он вёл себя именно так: напускал на себя маску абсолютного равнодушия, уходил в тень и прятался от всех, пока внутренний шторм не утихнет.

От этой мысли Цзянь Сунъи мгновенно накрыла волна глухого раздражения. Он резко встал:

— Мне тоже нужно отойти.

Он шёл быстро, чеканя шаг, и нагнал друга прямо у подножия лестницы:

— Ты ведь планировал уйти и не возвращаться, верно? А вечером прислал бы сообщение, что у тебя разболелся живот и ты лёг спать, и не показывался бы на глаза, пока не соизволишь прийти в себя?

Бо Хуай замер на ступеньках.

Цзянь Сунъи глубоко вдохнул, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце:

— Бо Хуай. Я говорю совершенно серьёзно: я чертовски зол.

Бо Хуай медленно развернулся и посмотрел на него сверху вниз.

Он и без того был на полголовы выше Цзянь Сунъи, а теперь, стоя на две ступени выше, казался незыблемой преградой. Цзянь Сунъи приходилось заирать голову, из-за чего линия его подбородка заострилась, а в уголках покрасневших глаз скопилось яростное напряжение. Сейчас он выглядел пугающе решительным, агрессивным — полная противоположность тому смущённому, заносчивому упрямцу, каким он бывал обычно во время их пикировок.

Даже голос его звучал непривычно резко, обжигая холодом:

— Бо Хуай, я действительно в ярости.

Бо Хуай опустил взгляд:

— Моя вина. Не нужно было врать, что всё в порядке.

— Да плевать мне на это враньё! — в ледяном голосе прорезались нотки отчаянной, клокочущей обиды. — Меня бесит, что когда хреново мне, ты всегда рядом. Но когда земля уходит из-под ног у тебя, ты упрямо запираешься в своей раковине и пытаешься вывезти всё в одиночку!

— Когда ты сдавал экзамен в Ичжуне, ты ведь столкнулся с Ван Хаем, так? Лу Цифэн лично видел, как этот ублюдок орал на тебя. Но ты мне и слова не сказал! Просто засунул язык в задницу и пропал на два грёбанных дня! Ладно, спишем на то, что мы тогда были в ссоре, и ты не хотел делиться. Это я ещё могу понять.

— Но сейчас-то что?! Я же сам спросил тебя напрямую! И ты опять промолчал. Собирался тихонько оплатить счёт и свалить по-тихому, да? Скажи мне, Бо Хуай, ты меня вообще за человека считаешь? Я для тебя друг или пустое место?

— В той давней истории ты ни в чём не виноват! Ты пострадал не меньше остальных! Так какого чёрта ты до сих пор изводишь себя чувством вины?! Ради чего ты упёрся в этот Бэйчэн на целых три года?!

— Три года тишины! Ни единой встречи, ни одного звонка, ни единой строчки в мессенджере! Ты даже на мои дурацкие поздравления с праздниками, которые я рассылал всем подряд, ни разу не ответил! А потом просто взял и явился как ни в чём не бывало, даже не предупредив! И как, по-твоему, я должен был реагировать? Как я мог не злиться на тебя? Не ненавидеть?!

— Я только-только начал отходить, только перестал беситься, и ты снова за своё! Да у меня до сих пор перед глазами стоит, как ты после той чертовщины заперся у себя на несколько суток и две недели не разговаривал со мной! А потом просто уехал, даже «прощай» не выдал! Меня от этих воспоминаний наизнанку воротит!

— Неужели так сложно перестать исчезать без предупреждения?! Просто скажи мне: «Мне паршиво, у меня нет настроения, мне хреново». Дай мне, чёрт возьми, возможность поддержать тебя! Обнять, успокоить, сделать хоть что-нибудь!

Выговорившись на одном дыхании, Цзянь Суньи шумно выдохнул и резко отвернулся. Взгляд его упёрся в пожухлые, мёртвые плети плюща, обвивавшие ржавые перила лестницы, и от этого зрелища на душе стало совсем тоскливо.

Бо Хуай молча смотрел на него сверху вниз.

Уголки прекрасных глаз Цзянь Суньи покраснели от едва сдерживаемых слёз и гнева, он стоял, уперев руки в бока, его грудь тяжело вздымалась, а носок кроссовка нетерпеливо пинал мелкие камешки на асфальте.

Он действительно был ранен до глубины души.

В груди Бо Хуая родилась острая, режущая боль, которая с каждой секундой становилась всё невыносимее. Все эти месяцы он наивно полагал, будто Цзянь Сунъи цепляется к нему и избегает общения лишь из упрямой гордости — из-за того, что его, вечного лидера, внезапно потеснили с пьедестала.

Он и представить не мог, что за этой напускной неприязнью скрывалась глубокая обида брошенного друга. Обида на то, что три года назад он ушёл молча, не оставив даже зацепки.

Какой же он всё-таки эгоист.

Он годами варился в собственном соку, лелеял свою безответную, мучительную, запретную любовь, страдал от неопределённости и душевной пустоты. Но ему даже в голову не приходило, что его «мальчишка», оставшись один в Наньчэне, возможно, тоже отчаянно скучал по нему.

Бо Хуай привык думать, что у Цзянь Сунъи есть всё для счастья: любящие понимающие родители, верные друзья детства, весёлая компания одноклассников и толпы обожателей. Он полагал, что исчезновение одного-единственного человека из этого яркого, бурлящего мира пройдёт бесследно и безболезненно.

Он молчал о своих проблемах вовсе не из-за безразличия. Напротив, он слишком сильно дорожил им. Цзянь Сунъи был слишком чистым, слишком ярким существом, и Бо Хуай всеми силами стремился оградить его от любой грязи и мрака собственной жизни. Он искренне верил, что поступает правильно.

Но он жестоко ошибался.

Никогда прежде Бо Хуай не жалел о своём отъезде в Бэйчэн так горько, как в эту минуту.

Ему было страшно представить, как Цзянь Сунъи три года назад, возможно, точно так же кутался в одеяло от обиды и одиночества. Как он подолгу гипнотизировал экран телефона, набирая знакомый номер, чтобы спросить: «Зачем ты уехал?» и «Когда вернёшься?», но в последний момент сбрасывал вызов. И так по кругу, ночь за ночью, до самого рассвета.

Он не смел думать о том, что за каждой безликой, разосланной всему списку контактов открыткой скрывалась робкая надежда увидеть, как зажжётся красная точка уведомления у его белого аватара, давая повод просто и естественно начать разговор.

И он никогда бы не признался, что те несколько дней молчания перед отъездом были вызваны его внезапным вторым полом — он пробудился как Альфа. И уехал он вовсе не из-за той нелепой аварии, а потому, что эта авария обнажила перед другими его самую сокровенную, постыдную тайну — его непреодолимое, пугающее влечение к лучшему другу.

Бо Хуай понимал, что в понимании Цзянь Сунъи все эти чувства, скорее всего, не имели отношения к романтике. Эти слова были продиктованы преданностью лучшего друга детства, пусть даже в них и сквозило нечто гораздо более глубокое и неосознанное.

Но какова бы ни была природа этих чувств, они неопровержимо доказывали одно: они значили друг для друга больше, чем кто-либо ещё. Три потерянных года висели на совести Бо Хуая тяжёлым долгом. Он не знал, как искупить эту вину и заслужить прощение. Наверное, на это не хватит и целой жизни, но он был готов посвятить ему все свои оставшиеся дни.

Спустя долгую минуту Бо Хуай тихо заговорил. Его голос, обычно прохладный, сейчас вибрировал от нежности и затаённой тоски:

— Прости меня. Я кругом виноват. Обещаю, я больше никогда не уеду и не стану закрываться от тебя. С этого дня я буду во всём слушаться тебя и утешать, когда тебе грустно. Но... не согласишься ли ты тоже немного утешить меня? Например, просто обнять?

Последние лучи заходящего солнца мягко коснулись сухих стеблей на перилах. Говорят, если вовремя срезать мёртвые, отжившие ветви, следующей весной на их месте обязательно распустятся свежие, сочные побеги.

И с каждым годом сад будет становиться только краше.

<http://bllate.org/book/20583/2181731>